

МКУК «Центральная городская библиотека им. В. И. Ленина»
Городской социокультурный краеведческий центр

СЕРИЯ «ЭПОХА В ЛИЦАХ»

НА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ:

**ВОСПОМИНАНИЯ ТАИСИИ СИТНИКОВОЙ-НЕМИРОВСКОЙ
(17.05.1866 – 13.12.1950)**

Литературная обработка, редакция, подготовка к изданию, верстка – Т.В. Кучерова,
заместитель директора ЦГБ им. В.И. Ленина
по основной деятельности

Нижний Новгород, 2018

Предисловие

«Эпоха в лицах» – новая издательская серия городского социокультурного краеведческого центра ЦГБ им. В.И. Ленина, основанная в 2018 году. Она призвана познакомить читателя с малоизвестными или основательно забытыми страницами жизни Нижегородской губернии. Бытовая история, или история повседневности, позволяет нам глубже погрузиться в обыденную жизнь людей прошлого, почувствовать ее изнутри, проникнуться духом времени. Инструментом такого погружения служат архивные или мемуарные источники, публикации в нижегородской дореволюционной периодике, материалы семейных архивов. Они позволяют, во-первых, реконструировать биографию того или иного малоизвестного деятеля, а во-вторых, показать исторические события глазами очевидцев.

«Первой ласточкой» серии стало краеведческое исследование, посвященное нижегородскому полицмейстеру Митрофану Константиновичу Сементовскому-Курилло¹ (1894 г.), о котором не упоминалось даже в специальных исследованиях по истории нижегородских правоохранительных органов.

Текст воспоминаний Таисии Алипьевны Немировской в 2017 году нам предоставил ее праправнук Александр Сергеевич Устинов (оригинал рукописи хранится в фондах ЦАНО. Ф. Р-5861, оп. 1, д. 161, лл. 1-199). Воспоминания, написанные в период с 1941 по 1950 год, представляют значительный интерес для современного читателя, поскольку в них отражена жизнь нижегородской глубинки рубежа XIX–XX веков, а также события революционной поры и предвоенных лет в Нижнем Новгороде – Горьком.

Таисия Алипьевна Добросмыслова (1866–1950, в первом браке Ситникова, во втором – Немировская) родилась в Ардатовском уезде Нижегородской губернии в семье мелкого земского чиновника. После обучения в Арзамасской женской прогимназии вернулась в Ардатов и работала учительницей. В возрасте 17 лет вышла замуж за секретаря съезда мировых судей Николая Михайловича Ситникова. В 1889 году семья переехала в Арзамас по новому месту службы мужа, который через 11 лет скончался, оставив Таисию вдовой с четырьмя детьми. В Арзамасе произошло ее знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким, о чем шла речь во фрагменте воспоминаний, опубликованных на сайте ЦГБ в рубрике «К 150-летию со дня рождения А. М. Горького» под авторским заголовком «Маленькое о большом человеке»². Там же рассказывалось о детстве и юности нашей героини и обстоятельствах ее переезда в Нижний Новгород.

Ниже публикуются воспоминания ардатовского и арзамасского периодов жизни Таисии Алипьевны под редакторским заголовком. Центральными фигурами мемуаров являются потомки А. С. Пушкина и историка Н. М. Карамзина, хотя не менее интересны сюжеты, связанные с другими ее знакомыми, среди которых земский начальник Александр Эдуардович Беатер, учитель Николай Иванович Груздев и др.

В 1918 году Таисия Алипьевна вторично вышла замуж за инженера Николая Алексеевича Немировского, была активной общественницей. В послевоенные годы взялась за мемуары, но память уже стала подводить: путались даты и последовательность событий, мысль перескакивала с одного на другое... Текст документа изобилует повторами, многочисленными придаточными предложениями, речевыми ошибками и т. д., что делает невозможной публикацию оригинала. Видимо, по этой причине рукопись не была принята во внимание специалистами Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) и никогда не публиковалась.

Прибегнув к литературной обработке первоисточника, убрав малозначительные детали и описание событий, очевидцем которых Таисия Алипьевна не являлась (в первую очередь, происходивших в придворных кругах), но при этом сохранив смысл авторского повествования, мы получили любопытное свидетельство эпохи, вполне достойное внимания читающей публики и всех, кто интересуется прошлым Нижегородского края.

Текст разбит на отдельные главы, озаглавленные редактором. Авторами комментариев являются А. С. Устинов и Т. В. Кучерова.

Татьяна Вадимовна Кучерова, заместитель директора ЦГБ им. В. И. Ленина,
действительный член общества «Нижегородский краевед».

¹ Нижегородский полицмейстер М. К. Сементовский-Курилло (1857–1919) по документам, воспоминаниям, генеалогическим исследованиям (Серия исторических портретов «Эпоха в лицах») // www.gorbibl.nnov.ru/files/krayeved/Sementovski.pdf.

² http://www.gorbibl.nnov.ru/files/metodist/nemirovskaya_o_gorkom.pdf.

Карамзины

Я познакомилась с Карамзиными в 1883 году, когда Александру Николаевичу, сыну известного историка, было 72 года³, но он был красивый, статный, очень симпатичный мужчина. Его жена Наталья Васильевна была настоящая красавица грузинского типа, хотя тогда ей было уже за 50. А глаза – это что-то очаровательное: черные, овальной формы, блестящие, а главное – доброта и мягкость этих глаз. Наталья Васильевна была попечительницей Ардатовской школы, где я преподавала.

В июле месяце у меня блестяще закончились все экзамены в школе. Наталья Васильевна мужу рассказывала: «Представь, Са, у Таис всех лучше девочки, кончающие школу, написали без ошибки диктант из Тургенева "Записки охотника" и верно сделали задачу». За это она меня пригласила к себе в имение, где дала отдельную комнату с окнами на розовую плантацию.

Я стала хорошей учительницей и сблизилась с семьей Карамзиных благодаря Николаю Ивановичу Груздеву. По существовавшему тогда закону, чтобы получить место учителя в начальной школе, выпускники прогимназии должны были полгода работать кандидатами, то есть вести уроки под руководством опытного учителя, чтобы от него научиться искусству преподавания. Таковым и был Н. И. Груздев, образованный человек и от природы замечательный педагог. Он учил нас, что к каждому ученику нужен особый подход, чтобы он мог легче понять предмет. Одному ученику трудно дается одно, другому – другое, и с этим надо считаться. С учениками надо обращаться как можно мягче, говорить тихо, чтобы они сидели тише, ибо ученики берут пример с учителя. А тогда еще были такие учителя, которые били детей линейкой по голове.

На занятия к Груздеву я ходила со своей подругой Юлией Николаевской, окончившей вместе со мной прогимназию, и мы по очереди давали пробные уроки. Мы обязаны были полгода так заниматься, но мне хотелось до конца года ходить к Груздеву. Для меня это было важно еще и потому, что, не имея средств, я давала частные уроки детям из состоятельных семей. Многие из них были капризными, и к ним надо было иметь индивидуальный подход, что и рекомендовал мне Груздев, когда я обращалась к нему со своими затруднениями. Вот почему я бы хотела весь год быть кандидаткой, чтобы получить больше знаний и расширить свой кругозор по педагогической специальности. Но случилось так, что я по своей врожденной доброте ушла из школы раньше, чем собиралась, ради подруги.

Юля, моя ровесница, была из более обеспеченной семьи, а потому намного развитее меня, ибо много читала. Я же могла читать лишь жития святых. Да и на это времени не было: я была старшей из девяти детей и помогала маме по хозяйству, шила и вязала, но, как ни странно, училась лучше Юли. Бывало, напишу сочинение, за которое получаю «5++», и ей потом помогу. Также и в школе. Я давала урок, как Груздев: понятно, ясно, толково, главное – интересно, чтобы завладеть вниманием учащихся. Он всегда одобрял меня. Когда же Юля давала урок, то очень терялась, ноздри у нее от смущения дрожали и расширялись, голос падал до шепота, прямо жаль было на нее смотреть, а ведь умная девушка. Мне было очень жаль ее, и хотелось чем-то помочь.

Как-то Юлия мне призналась, что потому плохо ведет уроки, стесняется и смущается, что любит Николая Ивановича Груздева. Я ее успокаивала: «Вы, очевидно, поженитесь, и будет у вас счастливая жизнь, ибо Н. И. Груздев очень хороший человек: умен, добр, красив, высок, строен, и к тебе внимателен». И каково же было мое изумление, когда Юля мне на это сказала со слезами в голосе: «Нет, этого не будет – он любит тебя. Когда ты даешь урок, то

³ В действительности А. Н. Карамзин родился в 1815 г., и в июле 1883 г. ему было 67 лет. (Прим. А. С. Устинова).

он смотрит на тебя, ну просто пожирает тебя глазами, а ты этого не замечаешь. А я вижу и страдаю!».

А я уже была невестой Н. М. Ситникова, но мой папа просил отложить свадьбу ввиду моей молодости – 17 лет – и до окончания года траура после смерти моей любимой мамочки. И вот я решила уйти из школы в надежде на то, что Юля и Груздев поженятся, ибо Юля была милостивая и добрая девушка. Но она так и не вышла замуж, всю жизнь проработала учительницей на Илевском заводе. А Груздев, как узнал, что я выхожу замуж, перевелся из Ардатова к себе на родину, в г. Нерехту Костромской губернии.

***Ардатовская интеллигенция. Фото из семейного архива предоставлено
А. С. Устиновым***

Я уже сказала, что, благодаря Груздеву сделалась хорошей учительницей, и за успехи

моих учеников меня и пригласили к себе на отдых летом 1883 года супруги Карамзины. Мне хочется подробнее написать об этой замечательной семье.

Александр Николаевич – младший сын историка Николая Михайловича Карамзина. Тот был женат дважды: первым браком на сестре жены Плещеева, Елизавете Ивановне. Когда она умерла от туберкулеза, через несколько лет Николай Михайлович женился на Екатерине Николаевне Мещерской. Она была необыкновенно красива, умна, очень чуткой и доброй души (Пушкин ее боготворил, и она его любила чистой любовью, как брата).

У историка Карамзина было еще два сына: старший, Владимир Николаевич, и средний, Андрей Николаевич. Владимир Николаевич Карамзин погиб на войне при покорении Кавказа. Он был женат на красивой и очень богатой женщине – Демидовой-Сан-Дonato⁴, которая владела всеми богатствами Урала и Сибири.

Андрей Николаевич Карамзин был женат гражданским браком на графине Ростопчиной, поэтессе⁵, но ее муж, граф Ростопчин, не давал развода и не позволял брать к себе внебрачных детей. Это были две девочки, Мария и Ольга, которые считались

⁴ На Сан-Донато (Авроре Карловне Демидовой-Шернваль) был женат Андрей Николаевич Карамзин, и далее автор воспоминаний правильно на это указывает. Их брак был заключен 22 июня 1846 года. Подробнее см.: Телков Борис. Достоинно, грустно, нелепо... Очерк о судьбе Андрея Карамзина // Культурная столица [электронный ресурс]. Режим доступа: http://kstolica.ru/publ/zhzl/dostojno_grustno_nelepo/20-1-0-474 (Прим. ред.).

⁵ Евдокия Петровна Ростопчина, урождённая Сушкова (1811–1858) – русская поэтесса, переводчица, драматург и прозаик. Ее связь с Андреем Карамзиным предшествовала его женитьбе на Сан-Донато. (Прим. ред.).

незаконными, и у них не было ни фамилии, ни отчества. Тогда их дядя Александр Николаевич лично выпросил им у царя законное отчество «Андреевна».

Андрей Николаевич Карамзин был, как и его братья, красавец, умница, добрейшей души человек, рыцарь по отношению к женщине. Последнее качество и стало причиной его ужасной смерти. Одно его имя приводило в панику горцев, и они решили его истребить хитростью. Распустили слух, что в горных ущельях взяты в плен их женщины и дети. Андрей Николаевич с двумя отрядами храбрецов попал в западню. Горцы его окружили и изрубили в куски⁶. А его дочери выросли и выучились у дяди и тетки – Александра Николаевича и Натальи Васильевны Карамзиных.

Старшая из них, Мария Андреевна, вышла замуж за помещика Петра Ивановича Приклонского, владевшего имением по соседству с имением Карамзиных Рогожкой Ардатовского уезда. Был у них один ребенок, но умер. Марии Андреевне было трудно жить с грубоватым мужем, каковыми были в большинстве русские помещики. Зная лишь своего дядю, гуманнейшего и добрейшего даже с прислугой, она не могла привыкнуть к грубому обращению мужа, и Карамзины ее уговорили разойтись с мужем и уехать за границу, что Мария Андреевна и сделала. Но она любила мужа, невзирая на его недостатки, и тосковала по нему. В итоге заболела чахоткой и умерла за границей. После этого у Приклонского с Карамзиными случилась вражда: первый уверял своих родных и знакомых, что его с женой развели Карамзины, а те были уверены, что она ушла от мужа из-за его грубого обращения. Приклонский тоже любил свою жену и более не женился.

Я знала старшую дочь Н. М. Карамзина от первого брака, Елизавету Николаевну, которая безумно любила Пушкина, ни за кого не вышла замуж и ушла в Дивеевский монастырь. Я с ней познакомилась, когда она уже была немолодая, но, невзирая на годы, все еще прекрасной наружности. Это было в 1883 году, когда Наталья Васильевна пригласила меня поехать в Рогожку. Дорога шла через Дивеевский монастырь, где уже много лет жила родная сестра Александра Николаевича.

Мы неожиданно задержались в монастыре; так как в четверти версты от него, через речку, загорелась большая деревня Вертьяново. Она растянулась более чем на версту, и домики, большею частью крытые соломой, сразу превратились в море огня, которому почти никто не мог противодействовать – была страшная пора, и все жители были в поле.

Меня это зрелище потрясло: я плакала и дрожала. Добрая монахиня Елизавета Николаевна меня успокаивала, и мы с ней отправились в Вертьяново за детьми, чтобы привести, а кого и принести в Дивеево, которому пожар не угрожал. Монастырь был выстроен из камня и с железной крышей, на которую молодые монахини взбирались по лестницам с ведрами воды и заливали падавшие сюда горячие головни с пожара. Мы привели плачущих детей, успокоили их, накормили и напоили чаем. А Александр Николаевич Карамзин велел заложить четверку лошадей и послал кучера и лакея возить воду с реки и заливать прогоравшие строения.

Трудно описать, какое грандиозное и вместе с тем страшное зрелище представлял этот пожар! Море огня, масса жару, а ведь и пора была жаркая! И от этого согретого воздуха образовались по небу тучки, из которых начал поддувать ветерок, который еще более помог разбушеваться огненной стихии. Ее ничем нельзя было остановить! Огненные языки грандиозных размеров будто старались достать и «слизнуть» собравшиеся кое-где тучки, которые грозили залить пожар, все сильнее бушевавший и охвативший всю деревню. Все погорело: и хлеб, и вещи, и амбары... Жители, прибежавшие с поля, остались голодными. Александр Николаевич послал телеграмму в Ардатов прислать немедленно хлеба и каши детям, а пока мы все пошли по лавкам и закупили хлеб, булки и вообще все съестное и раздали населению, в первую очередь, старым и малым.

⁶ 24 мая 1854 года Андрей Карамзин был убит на балканском фронте во время Крымской войны при крайне непрофессионально проведенной кавалерийской атаке, которую сам же организовал и возглавил. (Прим. А. С. Устинова)

Как залили весь пожар, поехали в Рогожку. Прибыли вечером. Свет вечерней зари еще более придавал красоты этому чудесному местечку. А воздух был – просто упоение! Посреди чудного парка и огромного поля роз, которые в то время были в цвету, стоял скромный домик. Все аллеи парка: сосновая, кленовая, березовая, липовая, ольховая – содержались в образцовой чистоте. Старик-садовник Панфил уже 50 лет жил у Карамзиных и так любил свое дело, что день и ночь ухаживал за кустами, цветами, деревьями. Благодаря ему в саду все блестело, цвело и благоухало.

Для экзотических растений был устроен большой зимний сад, примыкавший к дому. В нем росли камелии. Представьте огромное дерево, покрытое пунцовыми цветами, которые будто сделаны из воска и покрыты лаком, с листьями темно-зеленого цвета, твердыми и блестящими. Цвели они в середине января, когда кругом снег, и весь сад благоухал. Карамзины привозили в Ардатов целую корзину цветов, закутанных в теплые одеяла, и всем знакомым, приходившим в гости, их дарили. Ардатов буквально расцветал – на многих окнах красовались букеты этих дивных камелий.

Как и вся прислуга, Панфил очень любил и свое дело, и своих хозяев, ибо супруги Карамзины были нежны и ласковы не только друг к другу, но и к слугам.

Карамзины и сосватались очень поэтически. Александр Николаевич отличился в Крымскую кампанию. По возвращении храбрецов при дворе встречали с особым почетом. Все фрейлины, раздетые в древние боярские костюмы, выстроились на улице перед дворцом, в том числе и княжна Оболенская, настоящая красавица восточного типа. Проходя мимо церемониальным маршем, Карамзин заметил Оболенскую и влюбился. Она ему ответила взаимностью, и вскоре они поженились.

Это были люди, всегда готовые оказать помощь ближнему. Александр Николаевич Карамзин еще до 1861 года дал своим крестьянам свободу. Крепостное право морально калечило человека: крестьян делало рабами, терпевшими всякие ужасные унижения от помещиков, но и помещики, даже самые лучшие из них, делались жестокими, теряя свой человеческий облик. Крепостное право было тяжело и для мужчин, но особенно для женщин – муж, дети, барщина...

Однажды несколько девиц в имении Карамзиных решили не выходить замуж, а между тем крепостные, которые имели сыновей, хотели их женить очень рано, чтобы иметь больше рабочих рук и успеть обработать и барское поле, и свое. Девушки плакали, приходили к помещику, бросались в ноги. Карамзин придумал, как заставить их выйти замуж: днем посылал на жатву, а ночью заставлял носить на себе навоз на поле более чем за 5 верст (обычно это делают на лошади). Тогда жена Александра Николаевича Наталья Васильевна, добрейшей души женщина, очень умная и образованная, позвала мужа гулять в поле, где жали эти самые девушки. Как пришли на поле, она сказала ему: «Са, возьми серп и жни». Он исполнил ее желание: сжал сноп, другой и остановился, схватившись за поясницу. А она после каждого сжатого им снопа говорила: «Нет еще, еще жни», – он тогда еще был молодой. И там, на жнивье, обливаясь потом, он дал ей слово, что не будет по принуждению выдавать девиц замуж. Вывод: если даже такие честнейшие, образованные и добрейшие помещики, как Карамзины, не всегда гуманно поступали с крепостными, то что же говорить о других?..

Хочется сказать, что после освобождения крестьян царское правительство долго не могло наладить отношения между помещиками и крестьянами. На то были мировые посредники, из помещиков, конечно. Александр Николаевич Карамзин был таким посредником и не щадя своих сил много работал, защищая интересы крестьян, несмотря на возраст (уже за 60) и врожденный порок сердца. Он участвовал во многих комиссиях – училищного совета, съезда мировых посредников и других, для чего ежемесячно приезжал в Ардатов и жил там по неделе и более (квартира была снята на год). Крестьяне его любили, уважали и абсолютно доверяли, считая святым человеком. Если дело было по закону не в их пользу, но раз сказал Карамзин, – они тотчас же свои претензии брали обратно. Вот каким авторитетом среди населения пользовался Александр Николаевич.

Деревня, где жили бывшие крепостные, мордва, была в полутора верстах от Рогожки и называлась Большой Макателем. Здесь Карамзины устроили школу, богадельню, детский приют, больницу, очень хорошо оборудованную. Врач по фамилии Борко был преопытный хирург, выписанный из-за границы, где наука вообще, и медицинская в особенности, стояла выше нашей. К доктору Карамзины относились с уважением, старались доставить ему все жизненные удобства, чтобы он не чувствовал себя хуже, чем дома. Дали ему особняк – он был семейный – и часто, почти ежедневно приглашали его с женой к себе обедать, когда он был свободен от операций, в чем был спец. Слава о его хирургических талантах разнеслась далеко по округе, откуда приезжала масса больных и увечных. Домик доктора стоял на берегу огромного озера, за ним был большой сосновый парк, который называли «диким» в отличие от парка около дома Карамзиных.

Еще был детский дом. Наталья Васильевна не раз на дню навещала детей, хотя за ними ухаживали прекрасные люди. У девочек надзирательницей была Екатерина Ивановна Лаврентьева, а у мальчиков – ее брат Федор Иванович Лаврентьев, оба очень умные, чудного характера, прекрасной души, образованные.

Александр Николаевич унаследовал от матери порок сердца и страдал припадками, особенно в Ардатове, где кроме работы в комиссиях принимал на квартире толпы народа по разным делам. Всех очень терпеливо выслушивал, объяснял. Помогала ему Наталья Васильевна, всегда приезжавшая с ним в Ардатов.

Когда Карамзины жили в Ардатове, то меня всегда приглашали обедать. За обедом по-французски Наталья Васильевна говорила мужу: «Са, много у нас при дворе было красивых фрейлин, но такой миловидной, а главное, стройной, как Таис, не было – посмотри, какие у нее красивые и маленькие руки, а ноги, как у китайки, и сама высокая, стройная, а какое миловидное лицо, загляденье!». Я невольно еще более краснела, чего они не замечали, думая, что я не знаю по-французски, а я училась у Николая Михайловича Ситникова, студента Горного института, за которого через год и вышла замуж.

Наталья Васильевна так меня полюбила, что когда узнала, что я выхожу замуж за исключенного из Горного института студента, то пожелала, чтобы свадьба была у них в доме, а венчание в церкви при больнице. Наталья Васильевна была очень счастлива, когда узнала, что я выхожу замуж именно за Н. М. Ситникова, т. к. она знала его с очень хорошей стороны от своего племянника, который учился в Горном институте, а ранее – в гимназии вместе с моим мужем. Наталья Васильевна предложила мне все приданое: белье, платье и одежду, – но я ее очень благодарил, а от приданого отказалась, сказав, что сами все понемногу наживем. Наталья Васильевна поняла и не обиделась.

Она поехала провожать меня в церковь к венчанию, а из церкви, когда мы выходили, чтобы сесть в коляску, дети из детского дома стояли с букетами цветов и бросали нам под ноги в экипаж. Панфил-садовник не пожалел цветов. Наталья Васильевна пригласила на свадебный обед мать, сестер и братьев моего мужа, они приехали из Арзамаса, а после обеда все мы уехали в Ардатов. Было это в 1884 году.

Я продолжала работать учительницей, а через год, в 1885 году, родилась дочь София, рождение которой чуть не стоило мне жизни. При ее рождении у меня была ужасная болезнь эклампсия⁷, от которой почти все умирают – и мать, и ребенок, а я и моя новорожденная дочь каким-то чудом остались живы.

Когда она родилась, я так была слаба, что не могла держать свою новорожденную дочь на руках и в школу не могла ходить. Добрейшая Наталья Васильевна Карамзина прислала за мной удобный экипаж, старушку-няню и поместила всех нас в отдельном домике со стеклянными дверями, чтобы более солнца было в комнатах. Он был построен на берегу озера, и идти к нему надо было по мостику, соединяющему этот домик с берегом, где был густой сосновый бор. Все это для того, чтобы восстановить силы мои и моего ребенка. Этот чудный домик в сосновом лесу на озере был устроен Натальей Васильевной для себя в пору

⁷ Эклампсия – заболевание, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребёнка. Форма позднего токсикоза беременности. (Прим. А. С. Устинова)

ее молодости. Оба старика ежедневно меня навещали, часто с ними приезжала гостившая у них их племянница Татищева, урожденная Екатерина Борисовна Мещерская. Столько внимания и ласки было с их стороны: присылали на обед, завтрак, ужин все питательное и массу чудных фруктов, которые поспели у них в парниках и зимнем саду, хотя еще был май месяц. Доктор был ежедневно, часто вместе с Натальей Васильевной и Александром Николаевичем. Все это: чудное питание, воздух – восстановили мои силы, и я стала ходить обедать в их дом, но эта болезнь часто совершенно отнимает память и у многих на всю жизнь это остается. Я тоже не могла нормально говорить, но благодаря вниманию и всей обстановке, устроенной для меня этими чудными людьми, потеря речи и памяти совершенно прошла, и я в сентябре поехала в Ардатов и продолжала занятия в школе так же нормально, как до болезни.

Через два года у меня родился сын Александр, и я была рада, что он Александр Николаевич. Его крестной была Наталья Васильевна, а крестным – доктор Михаил Викторович Лобис, очень умный, развитый и честный человек. Сын мой родился 15 фунтов весу, аршин длиной, здоровяк, красавец собой. Однажды я ушла на занятия в школу, а нянька напоила его холодным молоком. У него сделалось воспаление гортани, его задушила мокрота, и он умер, отчего я так сильно заболела, что боялись за мою жизнь. Я была вновь беременна, а от горя ребенок, что во мне был, умер, и надо было делать операцию. Когда Карамзины узнали, что мне смерть угрожает, то прислали своего доктора. Тот скакал на лошади верхом 40 верст без отдыха, чтобы успеть и успокоить стариков.

У Карамзиных была замечательная домоправительница Мария Моисеевна, еврейка по происхождению (ее фамилию забыла), очень тактичная. Она не делала разницы в обращении со мной, бедной учительницей, и знатными родственниками Карамзиных. У них гостили племянницы графини Татищева и Клейнмихель⁸, Ольга Андреевна Голохвастова⁹, жена писателя и сама писательница. Муж ее, Голохвастов, много написал научных книг, вообще считался большим ученым своего времени¹⁰. Книги, которые написала Ольга Андреевна, хранились в шкафах ее дяди Александра Николаевича Карамзина в Рогожке. В этой библиотеке были и такие шедевры, как рукописи А. С. Пушкина, подаренные им своему другу Александру Николаевичу Карамзину.

Обед проходил в 2 часа дня в столовой на первом этаже дома. Одна стена была застеклена, а противоположная – зеркальная. На какой бы стороне стола вы ни сидели, всегда могли любоваться видом цветников, парка и роскошного пруда, вернее, озера. Александр Николаевич Карамзин, как воспитанный человек и любезный добрый хозяин, после обеда занимал нас рассказами из своей молодости и о своем друге Пушкине. Нельзя описать то чувство восторга, которое мы все испытывали при этом, ибо Карамзин необыкновенно красиво и увлекательно говорил. У него был чудный дар красноречия. Но как Александр Николаевич станет рассказывать разные «былины» и стихи, иногда немного антирелигиозные, Наталья Васильевна начнет вздыхать и постанывать. Тогда ее муж переставал говорить, к нашему великому огорчению. И мы расходились гулять по парку, играть в крокет, в чем главным спецом была Ольга Андреевна Голохвастова, страстная спортсменка.

Ольга Андреевна еще за границей, где она долго жила, много играла в крокет, и, конечно, хотела, чтобы и другие играли так же хорошо. Она была живого, даже горячего

⁸ Графиня Екатерина Петровна Клейнмихель (Прим. ред.).

⁹ Внебрачная дочь Андрея Николаевича Карамзина Ольга Андреевна Андреевская, в замужестве Голохвастова (1840–1897). (Прим. ред.).

¹⁰ Павел Дмитриевич Голохвастов (1838–1892) – писатель, историк, филолог, публицист-славянофил. Служил управляющим Ташинским железным заводом в Арзамасском уезде. В 1882 году был назначен чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел Н. П. Игнатьеве. Вместе с И. С. Аксаковым составил проект императорского манифеста о созыве земского собора, который привёл к отставке как Голохвастова, так и министра. Увлекался русской историей, оставил (по большей части, в рукописях) обширные работы и опубликовал ряд статей в «Русском архиве» и в изданиях И. С. Аксакова, а также драму «Алёша Попович» (1869), сделавшую его известным в литературных кругах. (Прим. ред.).

темперамента, собой недурна, лет 30, очень веселая, но вспыльчивая. Кипятилась, если кто из ее партии сделает неудачный ход, «промажет», отчего вся четверка проигрывает. Эта участь однажды постигла доктора Борко, очень воспитанного человека, европейца: он не попал в шары в решительную минуту, и Ольга Андреевна с молотком в руках подбежала и побила доктора, конечно, не больно. Через 10 минут вся Рогожка знала, что Ольга Андреевна побила доктора, везде разнеслось, и узнал об этом ее дядя Александр Николаевич Карамзин. Он тотчас же пошел (а ему трудно было – 70 лет, и ходил неважно из-за порока сердца) к доктору на квартиру, извинился за свою племянницу, отчего тот смутился, ибо ему было очень жаль старика. Но этого мало – Карамзин попросил доктора к себе на чашку чая.

И за этим чаем, который обычно пили в четыре часа в саду, всегда со свежим сдобным хлебом, только что сбитым и лишь остуженным на льду маслом и сливками, дядя показал племяннице глазами на доктора, и она поняла и извинилась перед ним. Доктор был очень смущен, а Ольга Андреевна уже более не принимала близко к сердцу неудачи игры и не наказывала неумелых и неудачных игроков, ведь «промазать» всякий может.

А вечерний чай среди роз – это традиционный, фамильный обычай Карамзиных, ибо еще при жизни самого Николая Михайловича самое прогрессивное общество, лучшие люди того времени после бала, концерта или театра приезжали к ним на чай. Хотя ужин скромный, всем гостям очень нравилось, и ежедневно у них бывала масса народу, и Пушкин бывал – и днем, и после часу ночи.

Ольга Андреевна не имела детей, и у ее сестры умершей, что была замужем за Приклонским, ребенок умер, и у Владимира Николаевича Карамзина, так же, как и его брата, женатого на Демидовой-Сан-Донато и погибшего на Кавказе, не было детей. И славный род Карамзиных прекратился, а все громадное состояние Демидовой-Сан-Донато перешло в казну. А Карамзины были бедные, и Александр Николаевич очень нуждался в средствах, ибо его жена Наталья Васильевна последнее отдавала нищим. И он, Карамзин, отказал еще при жизни свое имение, больницу, инвалидный и детский дом своей племяннице Клейнмихель с просьбой ничего не закрывать, все поддерживать.

Я сама удивляюсь, как любили меня старики Карамзины, и мне это так дорого, ибо люди они были чудесные, а ко мне относились, как родные, и, я как их вспоминаю, слезы меня душат.

Карамзин умер в 1889 году, а через три года – его жена, и имение перешло к Клейнмихель. Но очень жаль тех ценностей, что были в карамзинской библиотеке – все погибло в 1918 году, разграбленное крестьянами, ибо не было уже любимого ими владельца Александра Николаевича Карамзина.

Я в последний раз была в Рогожке в 1900 году летом, ибо в ноябре этого года совершенно неожиданно 48 лет от роду от разрыва сердца скончался мой муж Н. М. Ситников, за которым замужем я была 16 лет. Овдовев 34-х лет, я так была потрясена, что полгода не могла спать. Никакие снотворные средства не помогали, и такая тоска одолевала, что я решила выпить весь сразу опий, который мне давали понемногу от бессонницы. Я решила покончить с собой и подняла бутылку к губам, но няня (она всего на четыре года была меня старше) отняла бутылку и, показывая на детей, взяла с меня честное слово, что я не буду более так делать. Умница была няня, и сердечная.

Добрые люди научили меня поехать в Рогожку, где я много раз жила и всегда очень поправлялась здоровьем, ибо там воздух абсолютной чистоты. В то время Карамзины, мои чудесные, милые, от которых я столько видела внимания, любви и ласки, скончались оба, но были их служащие, которые ко мне относились с сердечным участием, открывали мне библиотеку, где я с наслаждением читала, отчего моя больная душа стала поправляться. Ко мне вернулся сон, весь день я была на воздухе, в дивном парке, дышала ароматом роз и камелий. И я окрепла, получив силы для работы.

Для меня Карамзины всегда памятливы будут и любимы, ибо их общество дало моей душе много светлого, прекрасного. Они показали пример, как люди должны относиться друг к другу.

Потомки Пушкина

«О Пушкине просила меня написать директор музея Горького Нина Федоровна Куркина. О Пушкине потому меня просили написать, что я была знакома и даже дружила с родной племянницей Пушкина, дочерью его брата Льва Сергеевича, Ольгой Львовной Оборской и ее братом Анатолием Львовичем, женатым на дочери Жуковского...» (Из письма Т. А. Немировской заместителю председателя Совмина СССР В. М. Молотову от 16.02.1950 г.)

Еще хочется написать об одной моей близкой знакомой и человеке большого ума – родной племяннице Александра Сергеевича Пушкина, дочери Льва Сергеевича, его брата, – Ольге Львовне Оборской¹¹.

Замуж она вышла 16-ти лет. Первым ее мужем был помещик Хоботов. В первый год брака у них родилась дочь Елизавета. Хоботов вел очень оригинальный образ жизни: утром рано вставал, завтракал с обильными возлияниями Бахусу и уезжал с огромной сворой собак на охоту, откуда возвращался поздно вечером. Стол уже был накрыт для ужина, за который он садился, но скоро валился под стол, откуда лакеи его вытаскивали замертво пьяного и переносили в постель, а утром опять охота – и так в продолжении девяти лет, после чего он скончался.

Ольга Львовна осталась вдовой в 25 лет. Ее единственная дочь Елизавета Яковлевна окончила институт благородных девиц и вышла замуж за Николая Ивановича Лалетина, сын которого Иван Николаевич еще и сейчас в Москве, художник. Он у меня бывает и хорошо помнит, как я бывала у его бабушки Ольги Львовны, а он приезжал с матерью и отцом и долго гостил у нее в Арзамасе.

Трудно судить, насколько красива была в молодости Ольга Львовна, ибо когда я приехала 1889 году в Арзамас и с ней познакомилась, ей было на вид более сорока или около 50 лет. Она была очень похожа на своего дедушку, родного отца поэта, прямо одно лицо, но выражение иное – умнее, энергичнее и выразительнее. У нее был очень высокий рост, красивая статная фигура. Но главная ее особенность – прекрасная мимика: она могла, ничего не говоря просто повести бровью, и вы всё понимали без слов. Она была очень гостеприимна, приветлива, любила угостить обедом и говорила, что не любит одна кушать. И у меня часто бывала и дружила со мной, невзирая на разницу наших лет (мне было 24 года) и социальное положение (я учительница). Меня она очень любила за то, что я живой человек среди арзамасцев, которых недаром впоследствии Горький прозвал окуривцами.

Мы с мужем встречали ее как почетную гостью, ибо оба боготворили Александра Сергеевича Пушкина, а мой муж Н. М. Ситников знал все его произведения наизусть. Ольга Львовна любила играть в карты, в преферанс. Как только она приходила, мы сейчас же посылали за партнерами, окружали ее вниманием, которого она была вполне достойна как родная племянница великого мирового гения, всеми нами любимого Александра Сергеевича Пушкина.

Ольга Львовна очень любила рассказывать о своих родных, а я – внимательно слушать, и, может быть, на этом основывалась наша дружба. Она очень любила своего дядю Александра Сергеевича, часто и охотно о нем говорила, но лишь оставаясь со мной tête à tête, вдвоем, ибо многие арзамасцы не умели ценить Пушкина. Ольга Львовна считала, что молодость и красота Натальи Николаевны Гончаровой его погубили, и если бы дядя не женился, то долго бы прожил и создал немало прекраснейших творений.

Мне Ольга Львовна Оборская много рассказывала о своем гениальном дяде и его родных, при этом имела привычку для усиления впечатления говорить: «А!?» в смысле «Каково, а?». Но у нее это «А!» было чудесное, и еще мимика, так много смысла придававшая тому, что и не сказано. А так как родная дочь поэта Мария Александровна была

¹¹ Годы жизни Ольги Львовны – 1844–1920. (Прим. ред.)

фрейлиной императрицы Александры Федоровны¹², то от нее Ольга Львовна знала, какие развращенные нравы процветали при дворе. Она говорила со слезами в голосе: «Ну как же мой дядя с его умом гения, светлым и огромным, с чуткой нежной душой мог быть при дворе, где царил такой разврат, ложь, коварство, двуличие? Да еще являться туда в обязательном порядке и в сопровождении очень молоденькой красавицы-жены? Первый шаг во дворец уж предрешил его гибель». Ольга Львовна от Марии Александровны знала все придворные романы и интриги, бывшие и настоящие, критически относилась к царю и придворной жизни вообще. Она рассказывала, как царское правительство растерялось, когда праздновали сто лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Большая сумятица умов была при дворе по этому поводу.

Ольга Львовна рассказала о своей родной тетке Ольге Сергеевне, по мужу Павлицевой, которая была единственной и любимой сестрой Пушкина, который желал ей всего лучшего по своему доброму и отзывчивому сердцу. А сестра была уже в годах по тому времени¹³ и не выходила замуж, и вот стал у них бывать сосед-помещик Павлицев. Очень он Оленьке понравился, и она ему. Сильно влюбились друг в друга, а родители Оленьки этого не желают: какая-то старинная вражда от дедушек еще мешает ее родителям дать согласие на брак. Очень много красноречия употребил поэт, уговаривая родителей, но все напрасно. Сколько Оленька слез пролила! Хоть и была любимицей матери, которая ее баловала, а на этот раз Надежда Осиповна показала свой характер Ганнибалов. Тогда Пушкин решил повенчать их тайно. Нашел в селе в 10 верстах священника, нанял тройку лошадей, заказал веревочную лесенку, подъехал со стороны сада в 2 часа ночи, подвязав колокольчики и оставил счастливого жениха у тройки. Подбежал с лестницей к окну мезонина, где уже ожидала его Оленька, бросил ей веревочную лестницу, на одном конце которой была гирька. Оля быстро ее подхватила, привязала лестницу к ручке комода у себя в комнате и быстро спустилась. С братом под руку побежали они к ожидавшей тройке, где сидел счастливый жених, Павлицев. Быстро доехали, так же повенчались, и брат поехал вперед к родителям, убедив их принять новобрачных, на что последовало согласие. Выпили и веселились. Но с Оленькой казус случился, оставшийся на всю жизнь (в этот момент Ольга Львовна делала особенно выразительное «А!»): Оленька, так горячо любившая своего мужа, не могла исполнить обязанность жены: как попадала в его объятия, так с ней делалась неукротимая рвота. Так супруги Павлицевы и разошлись, и осталась Оленька замужней девицей.

У Ольги Львовны был еще родной брат Анатолий Львович, одно время живший в Арзамасе и часто бывавший у сестры, так что я его хорошо знала. Он совсем не был похож на сестру: очень красивый брюнет кавказского типа, моложавый. Очень образованный (за границей учился) и женатый на дочери Жуковского, воспитателя царя. Его жена, урожденная Жуковская, была очень хороша собой, образована, прекрасного характера, любила мужа, и он ее также. У них было двое детей – сын и дочь. И какой ужас случился: она увидела своими глазами, что ее муж изменил ей с горничной-мордовкой, совершенной уродиной. Она не простила мужу измены и, забрав обоих детей, уехала к отцу, так что, когда я познакомилась с Анатолием Львовичем, жены у него уже не было, а он жил с этой уродливой девицей в Арзамасе.

Для довершения эффекта Ольга Львовна показала мне ту, на кого ее братец променял красавицу-жену. Когда я была у нее в гостях, она послала за этой морганатической женой брата. Несмотря на предупреждение, особенное безобразие этой женщины, имевшей уже сына от Пушкина (в отца довольно красивого), меня поразило. Я опишу ее: голова в форме кувшина, в верхней узкой его части – две узенькие щелочки ничего не выражающих глаз, а в нижней широкой части лица – очень маленький рот с негритянскими губами, сама уже толстая, разъевшаяся. Такой вот жизненный курьез.

¹² В действительности, М. А. Гартунг была фрейлиной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. (Прим. А. С. Устинова)

¹³ Ольга Сергеевна родилась в 1797 г., и в 1828 г. (год замужества) ей был 31 год. (Прим. А. С. Устинова)

Я как-то прихожу к Ольге Львовне, которая, читая письмо от сестры Марии Львовны из Москвы, горько роняла крупные слезы. Утирая их, стала рассказывать: у ее сестры есть сын-студент, который, придя к матери, потребовал от нее серьги из ушей с крупными бриллиантами, которые она не давала. Тогда сын вырвал их, прорвав кожу, чтобы подарить певице Варе Паниной¹⁴, которую большинство студентов обожали за оригинальное пение, ибо она была и некрасива, и немолода. Пела она почти мужским голосом, но сколько было в этом пении какой-то исключительной красоты душевной, что недаром, когда она ехала с концерта в Большом театре, то студенты московские выпрягали лошадей и везли ее сами.

Я ее, Варю Панину, сама видела и слышала и хочу поделиться своими впечатлениями. Это было году в 1910-11-м. Варя Панина должна была дать в Н. Новгороде концерт в Коммерческом клубе¹⁵, но долго не могла приехать: поезд из Москвы опоздал. В день концерта публика собралась, а ее нет. Вход на сцену был через очень большой зал, и вот я вижу: пробирается немолодая, невысокого роста, некрасивая дама в белой ротонде и такой же шапочке, – и в зале молчание, к чему она не привыкла в Москве, которая встречает ее с овациями. Кто слышал ее не в первый раз, говорили, что это расколодило ее, обидело, и она хуже пела. Но я первый раз слышала. Пела она сидя, вся в белом. О, как она пела! Сколько души и какой-то сладкозвучной, особой музыки в ее пении, что вы забываете все окружающее, слушая ее! Ее коронная песня – «Хризантемы». Чудо! Красота! Но говорили, что она была обижена холодным приемом нижегородской публики, где преобладал купеческий элемент. Сами купцы называли город не «купеческий», а «купецкой», и потомки их, хотя и вышли в культурное сословие, а черствость и холодность души осталась. Были и тогда люди прогрессивные и культурные, но в загоне, т. е. материально не обеспечены, так что не могли посещать концерты. Так что в большинстве публика была, что называется, «серая», которую так чудесно описал во многих своих произведениях Горький.

Ольга Львовна Оборская, как и ее дядя, поэт А. С. Пушкин, всегда боялась кошек, а в старости – еще и пьяных, и, чтобы создать себе более спокойную жизнь, продала свой дом и поселилась на территории Арзамасского Алексеевского монастыря, который был занят Красной армией в 1918 году. Приехав тогда по делам в Арзамас, я ее нашла в огороде в бане, лежащей на одних досках и без подушки. Она заплакала, как меня увидела, и вспомнила, как мы радовались, когда свергли царя. И вообще она была всегда очень прогрессивных мыслей и много рассказывала анекдотических случаев про последнего царя.

В это время председателем НКВД в Арзамасе был родной племянник моего покойного мужа Ситникова – студент А. Ф. Зиновьев, и я пошла к нему. По характеру он был очень мягкий, а время было жесткое, но я обратилась к нему. Пошла прямо в учреждение и обо всем рассказала, на что он ответил так: «Тетя Тая, что делать? Людей нет! Работать не с кем!». Но все же обстановка, где находилась бедная старуха, урожденная Пушкина, улучшилась. Но она вскоре скончалась.

Ольга Львовна обещала подарить все письма своего дяди – поэта Пушкина – моей старшей дочери Софье Николаевне Ситниковой, окончившей высшие курсы по литературному отделу. Но в силу каприза старого человека не отдавала вещей до своей смерти, и письма погибли вместе со всей обстановкой: красноармейцы взяли их на папиросы.

Поклонники

В Ардатове у меня были поклонники, хотя я серьезно смотрела на жизнь, любила мужа и при этом даже не подозревала, насколько была красива и стройна. Может быть, это незнание и привлекало ко мне мужчин, которые смотрели на меня влюбленными глазами, что меня очень удивляло.

Один мой поклонник чуть не покончил с собой – спасли его. Учитель с высшим

¹⁴ Варя Панина умерла в 1911 г.

¹⁵ В настоящее время – театр «Комедия».

образованием по фамилии Виолентов, преподавал математику в городском училище (имя и отчество его не помню). Хохол, молодой, очень красивый, среднего роста. Я с ним познакомилась уже будучи учительницей, 17 лет мне было, я еще не замужем была. Ежедневно мы гуляли в общественном саду с подружкой Маней Введенской, очень хорошенькой девушкой невысокого роста, и нас прозвали «роза» и «маргаритка». Виолентов ежедневно встречался и гулял с нами в саду, где играли в крокет, бегали на гигантских шагах. Я всегда со всеми была весела и приветлива, и молодежь очень любила мое общество.

Раз Виолентов мне говорит, что на днях придет за мной тройку лошадей и коляску, и мы поедем на вечер в д. Осиновку к Пришельцевым в 30 верстах от Ардатова. Я училась вместе с их дочерью Маней Пришельцевой, которая мне писала, очень звала, чтобы я к ним приехала в имение, где ее отец был управляющим. Я сказала Виолентову: «Хорошо, заезжайте», – и лицо его просияло, а я подумала: «Вот чудак! Что с ним?». Я училась французскому языку у моего будущего мужа Н. М. Ситникова и на уроке сказала, что пропущу несколько дней, т. к. поеду в деревню на рождение своей подружки. На это мой учитель Н. М. Ситников сказал: «У вас нет мамы, и я бы не советовал вам ехать на этот праздник. Воздержитесь, т. к. мать этой вашей подружки имеет репутацию очень легкомысленной женщины». Я так и сделала, хотя очень мне хотелось поехать на праздник в деревню, где будут танцы на воздухе, катанье в лодке и фейерверки. Но я дала слово не ехать и сдержала его: когда заехал за мной Виолентов, весь сияющий, с блестящими глазами, на тройке лошадей с прекрасной нарядной сбруей, которой соответствовала и коляска, то я вышла и сказала, что заболела и ехать не могу. Не могу описать, как побледнело и исказилось страданием лицо Виолентова, мне его даже стало жаль. Когда же он вернулся в свою квартиру, отпустил лошадей и быстро запер дверь своей комнаты. Когда сильно стукнула отброшенная ногой скамейка, то бывший рядом хозяин квартиры, к счастью, очень сильный, быстро высадил дверь и вынул Виолентова еще живого из петли. Вскоре он уехал на родину, на Украину, и я более не видала его, но была очень рада, что хозяин, умница и здоровяк, спас его, – лишь осталась на шее синяя полоса. Виолентов все данные имел для того, чтобы я ответила на его сильное чувство ко мне – образован, умен, красив, молод, но, очевидно, верна русская поговорка: «Не по-хорошему мил, а по милу хорош».

В числе моих знакомых был Александр Эдуардович Беатер, по матери русский, сын помещицы, а по отцу англичанин. Он учился за границей, окончил два факультета, консерваторию, чудесно играл на рояле. Когда он вечерами играл у себя на квартире, то половина города собиралась у его окон. Беатер за границей учился гипнотизму – внушению глазами, которые у него, кстати, были очень красивы, – и он во всю силу воли старался внушить мне любовь к себе. Но я была сильна своей любовью к мужу и детям, и иногда уходила из дома к знакомой старушке, чтобы не видеть Беатера, всегда смотрящего на меня умоляюще. Любя мужа, я боялась его огорчить, что было ему вредно, так как у него был порок сердца, рано унесший его в могилу (он умер от разрыва сердца в 48 лет во время болезни гриппа, которого не выдержало его сердце).

Как-то раз я, играя с детьми у себя в саду, пела, а Беатер, как всегда, кружил около нашей квартиры, и, услышав мое пение, горячо начал убеждать меня и моего мужа, чтобы я училась у него, у Беатера, музыке и пению. Ох! Много силы воли, очевидно, было у меня, поскольку я не согласилась, а ведь он был большой музыкант! И муж мне разрешал! Мой муж меня безумно любил и верил мне. Ну могла ли я подвергать нашу любовь опасности? И позволить сплетням запятнать нашу любовь? А почва была: муж был старше меня на 14 лет.

От природы Александр Эдуардович был очень добрый, воспитанный, очень умный, глубоко образованный человек. Он был красив, богат, молод и холост, так что мои подружки, не вышедшие еще замуж, очень за ним ухаживали. Беатер жил недалеко и почти ежедневно бывал у нас, ибо мы были люди гостеприимные, а клуба в городе не было. Бывали еще врачи и играли в винт и фальку¹⁶, а разговаривали только за ужином и чаем, ибо если бы не играли в карты, то возбуждали бы подозрение жандармерии. Это было в 1885 или 1886 году, когда

¹⁶ Фаля (по словарю В. И. Даля) – восьмерка пик при игре в горку или три листа. (Прим. А. С. Устинова)

свергли Лорис-Меликова и настало время Победоносцева, период реакции¹⁷.

По своим убеждениям Беатер был тайный подпольщик, а в Ардатове занимал большую должность судьи. Как он говорил, для меня он готов в огонь и в воду, и потому откликнулся на мою просьбу помочь политически неблагонадежным студентам с «волчьим билетом». Многие исключенные студенты за политические убеждения получали так называемый «волчий билет», это представляло ужасающее наказание, о котором я и хочу рассказать. Ужас в том, что кто их возьмет, тот подвергается репрессии полиции, т. е. если служит, то места лишится. Все же мне так было их жаль, что позднее, в Арзамасе я бегала по городу к знакомым, к родным покойного мужа, служащим, но все боялись потерять место, особенно, у кого маленькие дети. И на квартиру их по той же причине не брали, где эти несчастные страдальцы дали б отдых своим ногам, так ужасающе разбитым. А срок им дан три дня в каждом городе, а раз не найдут ни угла, ни работы, то иди далее и так без конца!

Одного из таких студентов Беатер хотел взять к себе в письмоводители, а другого – кучером, т. к. держал пару лошадей. И что же? Только он это сделал к великой радости этих несчастных, как начальник жандармского управления пригласил Беатера к себе и объявил, что он потеряет место, если тотчас же не уволит этих живущих у него студентов. Вот как расправлялось царское правительство за одни только убеждения. Беатер был очень огорчен, что не мог исполнить моей просьбы и помочь этим страдальцам.

В 1889 году закрылся съезд мировых судей, мой муж Н. М. Ситников остался без места, и мы переехали в Арзамас с двумя детьми – Соней 4-х лет и годовалой Наташей. Беатер горько сожалел, что мы уезжаем, а я была рада, ибо было очень тяжело смотреть на его страдающие глаза, ожидающие от меня ласки. Когда мы уехали в Арзамас, то Беатер приезжал к нам. Прогостив дня три, которые он провел, играя с моей младшей дочкой, он уехал в Ардатов и более я его не видала, ибо через год после этого он застрелился¹⁸. Все знакомые о нем сожалели и недоумевали, чего не хватало этому человеку: молод, красив, богат, свободен, с хорошими средствами, которыми он, имея доброе сердце, делился с неимущими.

Известие о его смерти мне привезла подруга, которая очень надеялась за него выйти замуж, а меня упрекала в бессердечности. Но он не от любви ко мне покончил с собой, ибо был большой силы воли и ума человек и очень любил жизнь, ее красоту, но не любил ее отрицательных тяжелых сторон. Он поехал в деревню, в свое имение, где к нему обратились бедняки как к судье и бывшему барину, прося защиты. Он возмутился, погорячился и дерзко обошелся с приехавшим туда становым, который пригрозил ему тюрьмой, сказав: «Не поглядим, что ты судья и бывший барин». Приехав домой и привезя с собой целую коляску ландышей, Беатер убрал всю квартиру этими чудными цветами, сел в кресло, обсыпал себя теми же цветами и застрелился, не желая попадаться в лапы охранки как подпольный секретный работник. И еще грязь тюрьмы его испугала как эстета, любящего чистоту.

Помощь несчастным странникам помогал оказывать мне и другой поклонник, М. В. Лобис, земский врач. Он лечил меня и детей от туберкулеза и часто бывал в гостях, ибо жил рядом. Лобис был очень красивый и очень умный человек, с оригинальным умом. Некоторые даже считали его чудаковатым, но был честнейший человек и прекрасный

¹⁷ Отставка М. Т. Лорис-Меликова с поста министра внутренних дел была официально принята 4 мая 1881 г., 29 мая 1883 г. он был уволен в бессрочный отпуск с разрешением присутствовать в Государственном совете. К. П. Победоносцев с 1880 г. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. (Прим. ред.)

¹⁸ Беатер застрелился в 1894 году. Нижегородские газеты «Нижегородские губернские ведомости», «Волгарь» и «Нижегородский листок» писали: «Нам доставлены некоторые подробности о самоубийстве в г. Ардатове земского начальника 4-го участка Александра Эд. Беатера. Покойный застрелился 3 июня в своей квартире. Смерть его была мгновенной, т. к. пуля попала прямо в сердце. Покойный оставил записку, в которой просит в его смерти никого не винить и причин самоубийства не искать, т.к. они слишком сложны. Дознанием установлено, что Беатер в последнее время был в ненормальном состоянии, поэтому есть основания предполагать, что он лишил себя жизни в припадке психического расстройства» («Волгарь». 1894. № 129 (8 июня). С. 2). Возможно, какие-то подробности этой истории содержит архивное «Личное дело земского начальника 4-го участка Ардатовского уезда губернского секретаря Александра Беатер» (ЦАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38). (Прим. ред.)

доктор, удивительный диагност, разбиравшийся в самых мудреных скрытых болезнях. Он долго был холост, и к нам ежедневно ходил и убеждал меня (а мне было 20 лет), что я несчастлива в своем замужестве, ибо мой муж ежедневно уходит играть в карты. Я ему молча указывала на дверь. Тогда он весь, внутренне съжившись, как бы испугавшись, говорил: «Не буду, не буду!» – и сидел после этого молча весь вечер и смотрел на меня умоляюще. Мне иногда приходилось его обманывать: когда он приходил с парадного крыльца, я с черного уходила к бабушке, которая после смерти дедушки жила в нашем домике с моей сестрой и братом. Лобис очень был огорчен, когда я от него убегала, но я не могла ответить на его любовь, ибо любила своего мужа и не хотела его огорчить.

Лобис, когда мы уже уехали из Ардатова, женился на великовозрастной девице, богатой землевладелице, имел сына и дочь и был большим врачом в Нижнем Новгороде и в Сормово. Как-то раз, когда мне было уже за 40, я сидела в Нижнем на Откосе, на крутом берегу Волги. Был закат, и солнце красиво отражалось в Волге. Подходит Лобис, здоровается, садится рядом и говорит: «Как кругом красиво – и эта отражающаяся в воде заря!». Долго молчал, и я молчу, и вдруг он сказал: «А вы все еще так же прекрасны, как эта заря!», – посидел еще, встал и ушел. Он был честнейший доктор: во время эпидемии тифа в 1920-х годах не боялся больных, много работал, заразился и умер в Сормово, где его очень любили рабочие.

Я пишу сущую правду, у меня не было романов, лишь только один платонический – к Горькому и настоящий – к мужу, которого я полюбила его за его чистую добрую душу, ибо не переносу грубости и насилия, а особенно жадности.

После революции

Я встретила Советскую власть с восторгом, как все обездоленные, нуждающиеся, а потому угнетенные при царизме, приниженные люди. Много дала нам Советская власть, но самое большое, что мы, бедная интеллигенция, получили, – это уничтожение сословий.

Я выросла в г. Ардатове, очень маленьком городке. Он разделялся на три сословия, члены которого, зная отлично друг друга, вели себя будто незнакомые: низшие даже не смели поклониться высшим. К последним принадлежали служащие, судьи, врачи, следователи, богатые купцы, помещики. Ко вторым – учителя, священники, маленькие чиновники, к последним принадлежала и я. А рядом жил мастеровой, лудил самовары, так мой отец, сын сельского дьякона, нам, детям, не позволял играть с соседскими детьми – ну разве это не ужас!? К третьему сословию принадлежали рабочие, мастеровые и мещане, из которых состояло почти все население Ардатова. Они имели лошадь и корову, пахали и сеяли хлеб.

Иногда первое сословие давало танцевальные вечера по подписке, на которые тоже допускались лица только из первого сословия. Мой учитель французского языка и будущий муж на один из вечеров пригласил меня с собой, на что я очень легкомысленно согласилась: 16 лет, хотелось потанцевать. И вдруг ко мне никто не подходит, и мое самолюбие так страдает, мне так стыдно, как если бы я голая сидела! Мой провожатый играл в карты, но увидав, с каким лицом я сижу, нашел мне кавалера для танцев, но я уже не могла – мою голову разрывало на части, меня посадили на извозчика и привезли домой с сильной мигренью. Всю ночь была рвота, пульс упал, так что пришлось звать знакомую фельдшерицу.

На том вечере была дочь смотрителя уездного училища, из первого сословия, она ходила ко мне, ибо я ей помогала писать сочинения и делать задачи, ибо я и по математике, и по всем предметам, имела «5». Но там, на вечере, она не подошла ко мне, и я сидела, как зачумленная. Из этого можно понять, как дорого обходилась самолюбивым людям сословность, почему я и встретила Советскую власть с исключительным восторгом, и работала с таким энтузиазмом.

В 1918 году меня выбрали председателем квартального комитета по борьбе с контрреволюцией и голодом. Район, где жил темный, неразвитый, бедный народ, – квартал ул. Белинской и Пушкинской¹⁹. У меня была близкая знакомая Елизавета Ивановна Цветкова, с которой я ходила в Кремль на большие собрания и заседания, а труднее всего было мне как председателю проводить собрания в своем районе: тогда был голод, ибо Колчак со своим белым войском перерезал Волгу, питательную артерию для Средней России, и голод торжествовал, пожирая свои жертвы. Сыпняк косил людей, как деревья в лесу. Мы были окружены белыми со всех сторон, отчего и наступил голод, а темные люди на собраниях бунтовали, кричали, почему так. Обвиняли Советскую власть, и выходя из собрания, я не всегда была уверена, останусь жива или нет.

Боролись и против топливного голода, для чего посылали комиссию на Ветлугу за дровами, которые пригонялись в Горький по воде на плотках. А для борьбы с голодом я организовала первую в городе картофельную коммуну, которая нас тогда спасла от голода. Её собрать было очень трудно, ибо жители названного квартала были в большинстве люди темные, малокультурные, просто обыватели. Их слово «коммуна» отпугивало. Я как председатель обошла все дома и квартиры, всех убеждала, разъясняла, но многие все же отказывались. Тогда я им предлагала дать расписку в отказе. И очень хорошо сделала, ибо отказавшиеся после, когда наше поле покрылось зеленью, жалели об отказе и роптали на то, что не поняли. Хотя я как бывшая учительница все очень толково и понятно для всех объясняла.

Первая показательная коммуна была из трудовой интеллигенции, и я окунулась в эту работу, полюбила ее. Нас было в первой коммуне 20 семейств, и мы как первые в городе организаторы и новаторы были премированы: на каждую семью выдали по 50 метров мануфактуры, кто какой хотел, и совершенно даром, без денег. Учреждение, которое нас наградило в 1918 году, называлось Губпродком.

Наша первая коммуна была рядом с кварталом, где мы жили²⁰. Здесь ранее устраивались бега, назывался этот участок Ипподром, где молодые купчики объезжали своих рысаков и соревновались на пари. Потому и почва была очень жирная, унавоженная, но настолько убитая, что походила на асфальт, и по твердости такая же. Мы разбивали ее пешней – тяжелой толстой длинной железной палкой с заостренным концом. Наш участок был сильно унавожен от множества рысаков, и всходы картофеля были просто чудесные, как на показ. Видя, какие у нас прекрасные всходы картофеля (а уродилось на 1 меру посаженного картофеля 16 мер, значит, сам-16, в аршин высоты, с очень крепкой ботвой), в коммуны потянулись и обыватели. Благодаря этому в июне того же года некто Чинский, очень энергичный человек и общественник, сумел организовать очень большую коммуну за деревней Лапшихой.

А еще я работала по ликбезу, и на винном заводе по устройству рабочих жилищ. В 1918 году вышла замуж за Н. А. Немировского. Николай Алексеевич Немировский был сыном рабочего и убежденным большевиком. Его отец был маляром и погиб, упав с крыши. Муж много горя, голода, лишений и неправды видел и перенес в детстве и юности. Вырос он на юге, в г. Николаеве, где был очевидцем погромов и потому встретил Советскую власть с восторгом. Учился на свой заработок, стал очень образованным человеком, крупным инженером, знал три языка и говорил на них, как иностранец. До глубокой старости имел необыкновенную память и продолжал трудиться. Не работал лишь последние два месяца перед смертью, а скончался в 1937 году 79-ти лет от рака (последствие полученного на работе ушиба). Преданный Советской власти коммунист, честнейший партиец, он работал до старости по-стахановски, взяв три должности: главного инженера, зав. секцией винокурения, инженера по технике безопасности, а жалованье получал одно, и то маленькое – берег советскую копейку.

¹⁹ В Нижнем Новгороде, куда Таисия Алиповна переехала из Арзамаса в 1907 году. (Прим. ред.)

²⁰ Т. А. Немировская жила в доме винного завода, современный адрес: ул. Невзоровых, 61 Е. (Прим. А. С. Устинова).

Немировский имел много революционных заслуг еще при царизме, за что я и получаю персональную пенсию. Он выстроил винные заводы в Нижнем Новгороде, Арзамасе и Княгинине, а в 1905 году спас рабочих бастующих винного завода от расстрела, который хотел учинить губернатор Фредерикс²¹. А Немировский исполнил требования рабочих, на что не имел права, и те немедленно встали на работу, прекратив забастовку. Войска пришли на завод, а стрелять-то и не в кого! Но за это он поплатился во время реакции. Немировский был временно управляющим заводом (настоящий был в Петербурге), и его назначили к ссылке. Но нашлись умные головы и в центре, не желавшие терять такого ценного инженера с богатой эрудицией, честного и умеющего прочно и дешево строить, каковых мало тогда было при царизме.

Он имел счастье работать в 1918 и 1919 годах в Губсовнархозе под начальством Вячеслава Михайловича Молотова. В 1918 году против желания начальства и сослуживцев, говоривших, что он едет на верную смерть, ибо тиф свирепствовал, Немировский на одной голодной лошаденке (железная дорога стояла) поехал за 400 верст на юг губернии, где было пять винокуренных заводов, разрушенных крестьянской революцией. Он ехал на клячонке, и через каждые 30 верст ночевал в избах на полу возле тифозных, которых было не по одному в каждой семье, но тифом не заразился: в детстве уже переболел. С помощью одного лишь сторожа, которого отыскал в деревне (а более никого не было – все были на гражданской войне), он отремонтировал все пять заводов. Мало того: нашел зарытый в земле картофель и открыл винокурение, разыскал транспорт – и спирт отправился на военный завод в Дзержинск, где делали снаряды для Северного фронта. Это было в то время, когда буржуазия всего мира шла на нас!

Когда Немировский с Вячеславом Михайловичем бывал в командировках на винокуренных заводах, то удивлял его своей памятью и знаниями. Раз будучи в командировке на ломовском заводе²², куда приехал и Молотов, уже бывший тогда председателем крайисполкома, Немировский весь день рассказывал Вячеславу Михайловичу о конструкции винокуренного завода, чем тот очень интересовался, зная, какое великое значение имеет спирт для военного дела. Вячеслав Михайлович недолго был у нас: переехал в Москву на должность наркома иностранных дел, где и до сих пор работает. Молотов приглашал мужа в Москву, но тот отказался из-за ее сильного движения, ибо с детства, насмотревшись погромов, боялся шума и езды и до старости был нервный.

Из этого видно, что Немировский способствовал победе Советской власти над буржуазией и как велика его заслуга: весь мир шел на нас, а без спирта нет и снарядов. И вторую войну здесь, в Горьком, завод работает как военный.

После смерти мужа, который скончался в 29 апреля 1937 года, я также работала на винзаводе, который теперь военный № 558. От комиссии райздрави была назначена в 1940 году ревизовать родильный дом и другие больницы и детские дома, поскольку окончила курсы фельдшерниц. В войну работала по устройству инвалидов и заместителем председателя Комитета помощи разоренной Смоленской области, откуда были изгнаны немцы, не оставившие там камня на камне. Председателем была очень опытная общественница, много работавшая вместе с В. И. Лениным, Мария Александровна Малых, собравшая много вещей и денег, и через комсомол все это отправили несчастным жителям Смоленской области, жившим в землянках.

Война застала меня в 1941 году на должности председателя Совета жен-общественниц. На первом после начала войны очень многолюдном заседании, где были председатели всех городских организаций, я была выбрана председателем и сказала речь на слова нашего друга, учителя товарища Сталина, что мы должны всем жертвовать, чтобы победить врага. В это время встает директор военного завода Смирнов и говорит, обращаясь ко мне: «Ловлю вас на слове – дом, где вы живете, необходим под цеха, а поскольку вас как

²¹ Барон Константин Платонович Фредерикс (1858–1910), нижегородский губернатор (1905–1906) (Прим. ред.).

²² Возможно, имеется в виду Нижнеломовский завод в Пензенской губернии, построенный в 1898 году. (Прим. ред.)

персональную пенсионерку выселить нельзя, то вы должны пожертвовать вашу квартиру, а остальных выселить». Я готова была руку пожертвовать, чтобы скорее победить врага, и я согласилась немедленно выехать из дома, где прожила 19 лет с мужем и четыре года одна.

Выехать было очень тяжело и морально, и физически, ибо мне тогда было 75 лет. Что же оказалось? В этом доме никаких цехов не было и нет. Смирнов взял себе мою квартиру и никого не выселил, исключая тех, которые потеряли связь с учреждением. Я подала в суд, который присудил выселить Смирнова как взявшего квартиру обманным путем, но тот дал поручительство, что после войны он уйдет с квартиры. Мне дали комнату в доме рядом с хлебозаводом, от которого идет дым, угар, копоть. Только такой тупица, как Смирнов, мог построить дом на таком месте, а где были те, которые давали разрешение на такое строительство в таком вредном месте? Я имею права переехать обратно в ту квартиру, но сил нет.

От Немировского у меня детей не было, только четверо от первого брака с Ситниковым. Моя дочь Софья Николаевна Ситникова 61 года – учительница в Москве, сейчас читает лекции будущим певицам в музыкальном техникуме имени Гнесиных, и ее все ученицы так любят ее за ее доброту и отзывчивость на всякую нужду и горе, и нуждающейся своей ученице она готова последнее отдать. Она замужем не была. О она меня и уговорила написать эти воспоминания.

Второй моей дочери Наталье Николаевне 57 лет, она тоже учительница, преподает 30 лет в военной школе, имеет награды, замужем. Была красавица, умница и также добрая, чуткая, а сейчас очень больная: печень и желудок. Имеет сына 24 лет, студента строительного института, недавно вернувшегося с фронта, и дочь 20 лет, она учится в Московском университете на III курсе. Ее сын, а мой единственный внук, окончил школу имени Радищева и за все 10 лет учебы в школе не получил ни одной отметки менее «5», за что его в 1940 году, когда он окончил школу, показывали во всех кинотеатрах г. Москвы, так что он по своей скромности не мог ходить в кино. Его зовут Николай Иванович Архипов...

На этом воспоминания Таисии Алипьевны обрываются. Она ушла из жизни 13 декабря 1950 года в возрасте 84 лет.